

опубл. в: Пунин Н.Н. Мир светел любовью. Дневники, письма. Сост. Л.А. Зыков. М.: А.р.т., 2000

Иван Пуни - Николаю Пунину

<лето 1922. Берлин>

Дорогой Николай Николаевич, опять пользуюсь оказией, чтобы послать Вам письмо. Вашему письму я очень обрадовался, рад очень, что в Питере все-таки меня немножко помнят, еще больше приятно было услышать про Вашу организацию, в которой я бы очень хотел быть действительным членом. Вместе со мной возьмите и Карла Залита - скульптора, он тоже здесь, вместе с ним работаем и друзья. И еще есть один — его приятель Дзеркаль, тоже скульптор, молодой и способный. Есть тут много молодежи, которая около меня крутится, только я-то нынешнюю молодежь не слишком люблю, нахальноваты и плохо еще работают. С Эренбургом и Лисицким я на ножах, на конгрессе повели против них кампанию и со скандалом выставили оттуда <...> Зимой у Интернационала будет выставка в Брюсселе и потом, может быть, в Латвии. Хорошо было бы получить вещи из Питера. Гешефтштелле — «Деловой центр» — с этой бумагой, быть может, Вам удастся достать разрешение на вывоз картин и репродукций, тем более что мы имеем немецкую прессу. Присылайте мне статьи о русском искусстве, о питерских художниках, отчеты и рецензии о разных питерских книгах, выставках и т.д., то есть хронику. <...> Пришлите статью о Питере, о художниках и течениях — хорошо бы с репродукциями, ее устрою к Вестхейму в «Kunstblatt» — самый известный здесь журнал, будет очень важно, если там будете сотрудничать - влиятельный журнал (немножко снобы).

Присылайте статьи уже напечатанные, — здесь они неизвестны. Может, у Вас есть книжка, наберется хоть небольшая, можно будет ее издать - все 10—15 тысяч марок заработаете. Если будете писать о питерских, напишите уж и обо мне пару теплых слов, очень благодарен буду, ведь тоже питерский, так как «берлинским» себя считать никак не могу. Осенью, может быть, съезжу в Париж, тогда можно будет устроить статьи в «Esprit Nouveau» <...>

Я с беспредметным искусством распрощался, то есть не зарекаюсь от него, как от искусства «аналитического», но будущего в самом искусстве у него не вижу для себя, синтетическое искусство не там, по-моему. Интересно, что простые беспредметные живописи выдерживаю, а чуть-чуть сложные становятся декоративными, ковром. Делал натуралистические вещи вроде моих, что и раньше, но лучше. Чувствовал, что все-таки они меня при всем том, что совмещают конструкцию с мотивировкой предметной, никак не удовлетворяют, - начал завастривать и углублять и пришел к тому, что разлагали предмет не только для того, чтобы сейчас его собрать, что все равно единственный реализм только реализм живописи, подам же я предмет так или иначе, все равно ближе к нему не буду. Вместе с тем увидел, что деформация, например, не только негативна — создает эстетический положительный «остаток», который в натуралистических конструктивных вещах отсутствует или в закрытом только виде присутствует. Так как искусство есть в общем развитие и манифестация такта, то деформация и собранный предмет равнозначны, будучи сопоставлены, контрастируют как мотивировки (по Шкловского терминологии), значит, подчеркивают друг друга. Собственно, если современный натурализм есть собранный предмет после долгих над ним и передавших нашу способность ощущать предмет экспериментов, то я думаю, надо собрать человека — то есть художника. Видел выставку Архипенки — все путь, путь. Вижу его пальцы всюду, но вижу, что внутри себя он разметанный и должен изобрести самого себя, пора уж, чтобы самому выразиться вполне и не во времени, вот, мол, так, а потом так, я, мол, сейчас добрый, сейчас злой, сейчас у меня нос толстый, а сейчас на трамвае поеду, потом буду благороден, через пять минут жулик, сейчас влюблен в жену, а потом видеть ее не могу, и все демонстрирует себя по «очереди», на самом же деле уживается все разом, и движется автомобиль не одним колесом, а потом другим, а всеми лапами сразу. Видел прекрасную натуралистическую вещь Пикассо (Арлекин), хорошо очень, в ней много предыдущего заключается — но Пикассо-то сам в ней совсем не

целиком — вещь собрал, себя не собрал. Говорят, он на натурализме не удержался и стал большие руки и глаза делать — то есть опять величинами играть. <...>

Дорогой Николай Николаевич, приезжайте сюда отдохнуть, пришлите сведения, визу достанем. Кланяйтесь Вашей и дочку поцелуйте. Кланяйтесь Володе Лебедеву, Саррочке, пусть тоже приезжают. Володя здесь работу найдет. Мы ужасно все время халтурили, довольно нелегко на Западе халтурить. Пишу я, к сожалению, немного, хотя мог бы писать целые дни, да нет времени. Кланяйтесь Татлину.

Очень бы хотелось с Вами повидаться, а от Вашего письма в Питер засосало, не то бы Вас сюда, не то бы самому обратно. Ксана Вам очень, очень кланяется. Жизнь здесь трудная, главное, друзей мало. Шухаев-то левеет, подкубикивает в картинах чуть-чуть, годика через три все академисты кубистами будут. В общем это не худо — закрепление позиций, раньше забранных. Пусть и сей овощ произрастает.

Жму руку, пишите, родной. Ваня Пуни.